

Дарья Данина

По талому снегу

Дарья Данина

По талому снегу

<https://litres.ru/74346302>

Аннотация

Каково это? Оказаться пленницей в собственном доме? Виктория даже не представляла, что её ждёт, когда застукав жениха за изменой, она кинулась в бега. Заявившись на дачу, доставшуюся ей когда-то в наследство, девушка выяснила, что она здесь не одна. И, кажется, тот, кто проник в её дом на незаконных основаниях, совсем не чувствует своей вины. И к тому же, не собирается покидать его просто так. P.S. присутствует нецензурная лексика

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	51
Глава 7	61
Глава 8	69
Глава 9	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1

От автора: Никакой пропаганды. Только решительное осуждение. Автор не разделяет мнение героев и не поддерживает деятельность криминальной направленности и употребление и распространение запрещённых веществ, а так же насилие в любом его появлении. Не рекомендуется к прочтению лицам не достигшим восемнадцати лет, беременным и людям с чувствительной психикой. Все события и персонажи вымышленны.

Дорогие мои! Милые и любимые читатели! Я приветствую вас и приглашаю на страницы новой истории! Спасибо, что вы со мной♡

...

— Козлина! Редкостный урод! Ненавижу тебя! — что есть силы бью ногой по картонной коробке ногой, и та, жалобно треснув, летит в сторону пыльного камина.

А злости во мне столько, что я готова крушить всё, что попадётся под руку. Я понятия не имела, что будет так обидно. Так... больно и унижительно! Так, что жар в груди превращался в адское пламя! И слёзы. Они градом лились из глаз, обжигая щёки. И я ничего не могла с этим поделать.

— Мудак... — горько выдыхая, замираю посреди комнаты. Ладонью растираю грудную клетку, чувствуя как ноги,

дрожа, становятся всё слабее. — Как он мог?

Разговор с самой собой уже не кажется мне чем-то странным. Даже наоборот: сейчас он был чем-то необходимым. Тем самым, что сдерживало меня от глупостей.

— Просто успокойся, Вик, — надсадно проскулив, бросаю поникший взгляд на старое кресло-качалку.

Это дедовское кресло. Последние годы жизни он проводил в нём почти всё своё время. Такое старое... с ободранными подлокотниками и потрескавшейся кожей. Потрёпанное временем, но такое дорогое сердцу.

Скидываю газеты, которыми было застелено сиденье, и медленно опускаюсь в него. Пытаюсь отдышаться, но дрожащая нижняя губа не даёт мне этого сделать.

Так и сижу. Промокая от собственных слёз и соплей. Задыхаясь от гнева и раз за разом прокручивая в голове эту сцену: Артур и Катя. Мой без пяти минут муж и моя лучшая подруга...

Драма. Как в кино.

Смешно.

И так больно...

Даже не знаю, сколько я так просидела. Очнулась, когда за окном начало смеркаться. Густая полутьма окутывала двор, а тонкие вишнёвые ветки всё чаще царапали стекло, вызывая полчища мурашек под толщей одежды.

Холодно...

Но ведь идти мне больше некуда.

Этот старый дом был единственным местом моего уединения и моего спокойствия. Это дом, в котором я провела своё детство. Здесь я была счастлива и любима. Этот дом достался мне по наследству от бабушки с дедушкой. Городская квартира отошла Женьке. А мне отписали дачу.

И вот... я, здесь. Совершенно одна. И глубоко несчастна.

Наши отношения с Артуром были тем самым фундаментом. Именно с ним я представляла себе своё будущее, рисовала наших общих детей, придумывала им имена и планировала свадебное путешествие на Кубу. Он обещал...

А сейчас? Сейчас у меня ощущение, что я упала в чан с отходами и теперь понятия не имею, как оттуда выбраться. Невозможно развидеть картину, представшую передо мной всего несколько часов назад. Лучше бы я устроила им двоим скандал. Надо было разгромить их, а не стоять как вкопанная и не смотреть на эту парочку глазами, полными слёз. Должно быть, я выглядела слишком жалкой.

И теперь понятия не имею, что мне делать и как быть. Два самых близких мне человека просто вонзили мне нож в спину. И я сомневаюсь, что смогу простить их. Не смогу, потому что до сих пор, закрывая глаза, вижу насмешливый взгляд подруги. Там не было даже намёка на испуг и сожаление. Это был холод и надменность. Торжество.

За что?!

Теперь я сижу в этой старой гостиной в темноте и продол-

жаю жалеть себя. Хотя, это совсем на меня не похоже.

Всхлипнув, я неторопливо встала с кресла и мой взгляд машинально скользнул по старому паркету. Меня привлёк едва заметный луч света, стелющийся по полу из-под двери, за которой был длинный коридор, ведущий в спальню.

— Что за черт?.. — моё дыхание прервалось.

Застыв посреди гостиной, захламлённой коробками, я почувствовала, как по коже под слоем одежды прошёлся мороз.

Этот дом пустовал больше двух лет. С тех пор, как умерла бабушка, я была здесь лишь пять или шесть раз. И то, чтобы проверить проводку, водопровод и прочие бытовые мелочи. Мне тяжело было здесь появляться. Была даже мысль, чтобы продать эту дачу. Но... совесть не позволила. Хотя, Артур не раз пытался убедить меня в обратном.

А Женька, моя младшая сестра... она здесь не показывалась с тех самых пор, как я вступила в наследство.

Глубоко вдохнув, я медленно прокралась к двери. И, опустив голову, продолжала пялиться на тусклый свет, бьющий по моим ботинкам. Тихо шмыгнув носом, полным соплей, я приложила ухом к потёртой и шероховатой поверхности двери, и прислушалась.

Но не услышала ничего, кроме зловещей кладбищенской тишины. И от этого мне стало ещё страшней.

Внезапно вспомнились фильмы ужасов, где главные ге-

рой, сотрясаясь от ужаса, идут навстречу своему страху. Сколько себя помню, я всегда страшно ругалась на них и винила в глупости за это. Ведь по всем законам логики и самосохранения нужно бежать оттуда со всех ног! А они? Идут на верную погибель.

А что же я сама?

Моя рука лежит на рукояти, готовая в любой момент открыть дверь, за которой меня может ждать всё что угодно. И липкий страх, ползущий по спине, не останавливает. А только подталкивает.

Говорят, перед смертью не надышишься. Вот и я, продолжая дышать через раз, тихо приоткрываю дверь. И, высунув в проём голову, не вижу ничего, кроме длинного коридора, обклеенного старыми выцветшими обоями в мелкий цветочек. И свет, окрасивший стены и пол; застеленный такой же, потерявшей цвет, ковровой дорожкой.

Здесь и правда кто-то есть? Но как?!

Это не может быть Женя. Она в другом городе. Да и ключей у неё нет. После смены замков, сестра отказалась от новых ключей, сославшись на то, что ей они совершенно ни к чему.

Тогда кто?

Мне хотелось выкрикнуть хотя бы "эй!". Громко и устрашающе. Так, чтобы никто не догадался насколько мне страшно. Но язык прирос к нёбу, а в горле всё пересохло. Так, что

даже пискнуть вышло бы с трудом.

Моя рука невольно поднялась и пальцы легли на неровную поверхность обоев. Держась за стену я медленно продвигалась вперёд. Но моих ушей так и не тронул ни один звук. Двигаясь на свет, я считала удары собственного сердца и храбрилась. Я ведь никогда не была трусихой. Никогда не боялась постоять за себя или за близкого мне человека. Маленький, но храбрый щенок... так меня называл дедушка.

Когда коридор закончился, я замерла. Встала на перепутье, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Свет... оказывается, он сочился из уборной. Комната по левую руку от меня была покрыта мраком. Но я заглянула внутрь спальни. В полутьме нашла торшер и, щёлкнув выключателем, интуитивно вздрогнула. Здесь не было никого и ничего, что могло бы заставить меня нервничать. Всё так же, как в последний мой визит сюда: аккуратно застеленная хозяйская кровать, старый комод, накрытый салфеткой. Подушки, сложенные друг на друга и тоже накрытые ажурной салфеткой, радиоприёмник и стулья, поверх которых были серые простыни.

Напряжение совсем немного ослабло. На какую-то секунду я позволила себе выдохнуть, но тут же задеревенела. Слегка покачивающаяся штора заставила меня открыть рот в немом возгласе. Окно... открыто?

Резко крутанувшись я уставилась на дверь в уборную. Сделала несколько нерешительных шагов, шурясь от того,

что мои ботинки оказались громче, чем я бы того хотела. И, снова прислушиваясь, я приникла ухом к двери.

Тихо. Слишком тихо. Настолько, что по моим рукам семенят мурашки, и крошечные волоски на них встают дыбом. Казалось, что я чувствовала это даже под слоём одежды.

Если это какой-нибудь бомж или алкаш...

Ну, а кто ещё это может быть?

Ведь Артур и Катя остались там, где я их застучала. А именно — в кровати. В той самой квартире, где я планировала своё будущее. Там, где мы с Артуром делали ремонт всего полгода назад.

На носочках я вернулась в гостиную и схватила кочергу, подпирающую камин. Стискивая в холодных пальцах ледяной металл, заискивающе посмотрела на стопку дров и мешок углей. Получается, камином кто-то пользовался. Ведь здесь давно не было ни того, ни другого.

И вот теперь я действительно испугалась не на шутку.

Это мой дом. Он считался дачей, но эта дача была обустроена как настоящий жилой дом. Здесь был проведён газ, свет, водопровод. Туалет был внутри, а не снаружи, так же, как и ванна. Здесь можно было жить даже зимой, учитывая, что камин неплохо согревал стены.

Как и кто мог сюда пробраться, если на воротах висел грузный замок, а дверь была запрета? На дорожке, занесённой снегом, и на крыльце не было никаких следов.

Но теперь я была уверена: за дверью в уборную кто-то был. И либо он притаился, услышав меня, либо... ещё не слышал. Но почему тогда так тихо?

Проглотив свой тихий и жалобный стон, я пошла обратно. Тихо, на цыпочках кралась по коридору, молясь, чтобы всё оказалось не так страшно, как я себе нафантазировала.

Я могла бы позвонить в полицию, но мой телефон сдох ещё тогда, когда я добиралась до дома, чтобы наткнуться там на парочку предателей. И теперь я у чёрта на куличках, без связи, и с огромными от страха глазами... стою перед дверью, за которой меня может ждать всё что угодно.

Дура? Вполне возможно.

Но после того, через что мне сегодня пришлось пройти, я едва соображала. Мне казалось, что кроме инстинкта защитить свою территорию, во мне ничего не осталось. Даже инстинкта самосохранения. Ведь... это МОЙ дом. И идти мне больше некуда.

Способна ли я убить? Сомневаюсь. Но вырубить того, кто осмелился сюда проникнуть, я точно смогу. Даже рука не дрогнет. Я уверена в этом.

Поэтому, собравшись с духом, я тихонько толкаю дверь и морщу лоб, когда та тоскливо скрипит, открываясь. Мои руки дрожат, но я делаю шаг, заходя внутрь. И, задержав дыхание, осматриваюсь. Тусклый свет висящей под потолком лампочки, кажется мне зловещим как никогда. Нервно касаюсь кончиком языка сухих и слегка потрескавшихся губ, и

понимаю, что уже не чувствую холода, который впитался в мои пальцы. Кочерга становится тяжелее, чем минуту назад.

Вижу на полу большой чёрный полиэтиленовый мешок. Пустой мешок. В нос ударяет запах. Не то хвоя, не то какие-то лекарства.

— Кто здесь? — мой взгляд мечется по ванной комнате, цепляясь за детали и собирая все недостатки воедино. На табурете лежат чьи-то вещи. Грязные, но сложенные в аккуратную стопку. Но в этот момент я ловлю себя на мысли: это точно какой-то бомж. Стискиваю крепче кочергу и замираю напротив плотной шторы, которая скрывает за собой ванну. — У меня... оружие. — Заикаюсь, уверенная в том, что за шторой кто-то есть. Хоть и сидит не издавая ни звука. И я даже не знаю, что лучше: живой или мёртвый? — Я вызвала полицию...

Но ответа так и не последовало. Тишина становилась всё более зловещей. А я уже физически ощущала чьё-то присутствие. Невероятным усилием, почти лишившим меня остатков воли, я заставила себя потянуться свободной рукой вперёд, чтобы резко дёрнуть за штору. И, рванув её в сторону, обомлела.

Потеряла дар речи, чувствуя, что в глотке окончательно пересохло. Мой взгляд, полный ужаса и отчаяния, был направлен на мускулистую, покрытую тёмной порослью мужскую руку. На руку, в которой был пистолет. И пистолет этот был направлен на меня.

— Брось железяку. — Я услышала вкрадчивый мужской голос и оторвала взгляд от руки, собирающейся отправить меня на тот свет. — Медленно опусти её на пол и покажи мне свои руки, девочка.

Глава 2

Девочка?

На выдохе я делаю полшага назад, но тишину тут же пронзает характерный щелчок.

Я снова застываю. Сглатываю липкий комок в горле и набираюсь смелости, чтобы посмотреть в глаза тому, кто в меня целится. Тому, кто пробрался в мой дом. Затравленным взглядом блуждаю по руке, в которой держат оружие. И, добравшись до плеча, понимаю, что мужчина обнажён. И... он лежит. Лежит в моей ванной, почти до краёв наполненной льдом! Расслаблен и безмятежен. Его вторая рука лежит на бортике. Я вижу колени, торчащие из-под груды кубиков льда. А затем возвращаю взгляд к его лицу. Суровому и жёсткому лицу, покрытому щетиной и ссадинами. Он медленно моргнул. Будто до моего появления спал. Его губ коснулась утомлённая ухмылка.

— Давай, — произнёс тихо и качнул пистолетом, — делай, что говорят. Клади эту чёртову железяку, пока я добрый.

— Я не... — задыхаясь, я пытаюсь вымолвить хоть слово. Но мой язык меня не слушается. Кажется, ни одна из моих догадок даже не приблизилась к реальности. Это не бомж. И не алкаш. Вряд ли кто-то из них носит с собой оружие. И взгляд... В этом взгляде есть сила и власть. Это считается

мгновенно. Только... что этот человек здесь забыл?

Но я не в состоянии произнести ни слова.

— Ты оглохла? — чуть громче, чем до этого.

И я делаю то, что он мне сказал.

Медленно опускаюсь на корточки и тихо кладу кочергу на деревянный пол, устланный небольшим безворсовым ковром. И так же медленно поднимаюсь, демонстрируя незнакомцу свои руки.

— Кто вы такой? — мой голос трещит, словно это запись на старой и потёртой временем пластинке. — Что вы делаете в моём доме?

— Давай ты сейчас не будешь задавать лишних вопросов, а просто сделаешь то, что я скажу. Так ты окажешь большую услугу не только мне, но и себе. Всё поняла?

Хищный прищур золотистых глаз не внушал мне никакого доверия. А дуло пистолета, нацеленное мне прямо в лицо — тем более. Судорожно закивав, я попыталась сделать пару шагов назад, но он тихо цыкнул, и я снова застыла на месте.

— Я позвонила в полицию, — с трудом выдавила из себя несколько слов. Но, кажется, он не поверил мне. Потому что злорадная усмешка, сорвавшаяся с его губ, была слишком красноречива.

— Какая умница, — продолжал скалиться. И, спустя секунду, пришёл в движение. Кубики льда глухо стучали друг о друга, пока он медленно и не сводя с меня глаз, поднимался.

Продолжая держать меня на мушке, он предстал передо

мной во весь рост. Величественной и опасной глыбой, от которой у меня подкосились ноги.

— Чш-ш-ш, — зашипел, приводя меня в чувство. — Стой ровно. Не падай в обморок. Не хочу оставлять тебя здесь без сознания на холодном полу. И возиться с тобой тоже не хочу.

А дрожь в ногах медленно перетекала мне в глотку. Мои зубы, постукивая, задавали свой собственный ритм. Страха. Липкого. И отвратительного. Парализующего. Мне показалось, что эти минуты — последние в моей жизни.

Этот мужик стоял передо мной в чем мать родила. Абсолютно обнажённый и ни капли не смущённый этим. Смешинки в медовых глазах говорили о том, что вся эта ситуация не только не сконфузила его, но даже не насторожила. Его, кажется, это забавляло.

И у меня создалось впечатление, что это не он, а я забралась в чужой дом. В его дом!

С силой сжав челюсти, я молилась, чтобы это всё скорее закончилось. И неважно как. Пусть просто закончится. А если он собирается меня убить... пусть это будет быстрая смерть. Ведь человек, что носит с собой оружие, наверняка знает как им пользоваться. И наверняка уже пользовался. Так что, ему не составит труда пристрелить меня. Как лису, забравшуюся в курятник.

И никто не станет меня искать. Первое время — точно. Потому что Катька, зная меня не первый год, даст мне время остыть. Артур будет так же пережидать бурю. В прошлом

году, когда мы поругались, я вышла с ним на связь только через неделю. Взяла на работе больничный и уехала в Питер, на который откладывала деньги несколько месяцев.

Хотя... то, что случилось сегодня даже в голове не укладывается. Это не просто ссора. Это самое настоящее предательство. Предательство двух самых близких мне людей. Станут ли они искать меня после того, что совершили? Сомневаюсь.

И работа... именно сегодня я со скандалом хлопнула дверь. Именно сегодня швырнула на стол заявление об увольнении, попутно поведав начальству всё, что о нём думаю.

Именно сегодня... этот день решил добить меня окончательно.

А Женья? Она моя младшая сестра, но мы, к сожалению, не близки. Закончив в этом году институт, она уехала в другой город. Сказав, что здесь её ничего не держит, а там ей предлагают хорошую работу, она просто собрала чемодан, и отправилась за лучшей жизнью в Краснодар. Мы созваниваемся с ней раз в две недели, и этого нам хватает. Ей хватает. А я не навязываюсь.

Двушку, доставшуюся ей от бабушки с дедушкой она сдаёт квартирантам, и этими деньгами оплачивает жильё в Краснодаре.

Именно сейчас я ловлю себя на мысли, что Краснодар... это слишком далеко.

Мужик всё ещё стоит напротив. С любопытством рассматривает меня, словно я товар на витрине магазина. Чуть на-

клонив голову к плечу, задерживает взгляд на моих глазах. И, хмыкая, интересуется:

— Твой дом, говоришь? — дуло пистолета достигает моей щеки. Он медленно ведёт им ниже, а затем вжимает его в область под моей нижней челюстью. Тем самым заставляя задрать голову и тихо всхлипнуть. — Мне сказали, что дом пустует...

— Б-без разницы, — заикаясь, иду на контакт, — даже если и так... это не ваш д-дом.

— Не мой. — Соглашается, и сильнее вдавливая пистолет. Не в силах контролировать страх, я издаю что-то похожее на писк. — Но так уж вышло, что он мне нужен. На неопределённый срок. И ты мне его предоставишь.

Мои глаза округляются. Я не совсем понимаю, что он имеет в виду. Я вообще плохо соображаю в данный момент. Всё, о чём я сейчас могу думать — это пистолет, готовый в любую секунду продырявить мне голову.

— Я не понимаю, — смотрю в его глаза, замечая в них искорки азарта, и поджимаю губы, чтобы хоть немного собраться и перестать трястись.

— Тебе и не нужно, — сухо произносит оккупант.

Он прекращает давить стволом на мою челюсть. И осторожно дулом убирает упавшие мне на лицо пряди. Продолжает рассматривать меня, слегка прищуриваясь и дёргая уголком рта.

— Что ты тут забыла? В такое время? Заплаканная... слу-

чилось что?

Мои брови невольно дёргаются, а рот приоткрывается, чтобы вымолвить ответ. Но он тут же меня перебивает, не позволяя произнести ни слова.

— В любом случае, лучше бы ты сидела дома, девочка. Потому что отпустить я теперь тебя не могу.

Почему-то я даже не удивилась. А чего я хотела? Чтобы он извинился, спрятал пистолет и покинул мой дом? Вот так просто?

Внутри ещё теплилась надежда, что он хороший человек, который в поисках спасения наткнулся на мою неприметную дачу. Но... хороший человек вряд ли вёл бы себя подобным образом. Он не угрожал бы пистолетом беззащитной девушке. И не ухмылялся бы, глядя на то, как эту девушку трясёт от страха.

Нет. Надежда всё же растаяла.

— Руки не опускай, — приблизившись почти вплотную, он хищно оскалится. И, вернув пистолет мне под нижнюю челюсть, свободной рукой распахнул на моей груди пальто. — Дёрнешься, и я сделаю тебе больно. Скажи "да", если уяснила...

— Да, — срывается с моих губ.

Едва не плача, я чувствую как он разматывает на моей шее шарф. И мысленно благодарю за то, что не затянул его туже. Холод тут же пробирается мне за пазуху, и я поджигаю трясущийся подбородок, который теперь дрожал не только от

страха. Моя кофта с v-образным вырезом даёт ему возможность разглядеть кожу, мгновенно покрывшуюся мурашками.

Мужчина хмыкает. И через секунду пальцем поддевает тонкую золотую цепочку на которой поблескивает подвеска в виде буквы "В".

— "В", — произносит тихо, — Валентина? Виктория? Вероника? — медленно перебирает имена, догадываясь, что буква именно это и означает.

Но я молчу. Стискивая челюсти, роняю слезинки на щёки в ожидании вердикта. Или экзекуции.

Не дождавшись моего комментария, он бросает цепочку и, будто издеваясь, запускает руку мне под пальто. Медленно проводит ладонью по моей спине, смещаясь на рёбра, а затем на живот. Что-то ищет. Поверхностно оглаживает грудь, а после прощупывает руки от подмышек до запястий.

— Где твой телефон? — вкрадчиво. Будто разговаривает с ребёнком. — Может, здесь? — Проверяет карманы пальто, но ничего там не находит. — Или здесь? — Засовывает руку в задний карман на моих джинсах. Потом во второй. — Ты сказала, что позвонила в полицию? Или я ослышался?

Молча я перевожу взгляд со стены на него. Пытаюсь рассмотреть каждую чёрточку. Память на лица у меня всегда хромала, но я усердно пытаюсь запомнить это лицо. Слегка нахмуренный лоб, шрам на левой брови. Карие глаза, но из-за тусклого света я не до конца в этом уверена. Нос с едва

заметной горбинкой. Возможно, эта горбинка — результат перелома, но я снова не уверена. Средней полноты губы, и волевой подбородок. Волосы тёмные, коротко стриженные. Зафиксировав лицо в своей памяти, мысленно умоляю себя не забыть его.

— Пошла, — впившись в моё плечо, он дёрнул меня, разворачивая спиной к себе, и толкнул вперёд.

Я едва не упала, цепляясь ногой за мешок, что валялся на полу. Но он подхватил меня за шкурку, натягивая пальто в области подмышек. И уже мягко подтолкнул к выходу из ванной комнаты.

— Будешь послушной, и я не причиню тебе боли. Выбор за тобой. — Он продолжает стискивать мою руку, а я всё ещё не могу обуздать свой страх.

Ртом вдыхая прохладный воздух, чувствую неприятный зуд в горле. И шмыгаю носом, который уже не дышал.

— Где твой телефон? — когда мы оказываемся в гостиной, он снова разворачивает меня к себе лицом. Грубо дёргает за руку, и я тихо всхлипываю.

Я ещё ничего не сделала, но он уже причиняет мне боль. Одиноким фонарь во дворе, который я включила как только оказалась на пороге дома, позволял мне видеть и мужчину, и очертания мебели в комнате. Глаза постепенно привыкали к темноте. Приспособлялись, позволяя видеть то, чего я поначалу не видела.

— Не знаю, — замотав головой, поднимаю затравленный

взгляд, утыкаясь им в выдающийся кадык. Меня уже мало волновало, что он стоял передо мной совершенно голый.

Я подумала, что смогу просто сказать, что забыла, куда кинула его. От страха потеряла бдительность и бросила телефон в первое попавшееся место.

Но, мой взгляд, невольно метнувшийся к сумке, выдал меня с потрохами. Он заметил. И, хмыкнув, сказал:

— Знаешь, я тоже не в восторге от создавшейся ситуации. — Снова нацелил на меня пистолет, делая шаг в сторону камина, где валялась небрежно брошенная мною сумка. — Но раз уж так вышло...

Когда сумка оказывается в его руках, он просто вытряхивает из неё всё содержимое. Я морщусь, словно вытряхнули не её, а меня. Словно... вывернули наизнанку.

Вы осчастливите меня, если не забудете и не пожалеете для новой книги звёздочку# Спасибо за то, что вы рядом♡

Крепко вас обнимаю.

Ваша Дарья♡

Глава 3

Его рука перебирает то, что выпало на кресло-качалку. Слегка наклонившись, он отбрасывает в сторону пачку одно-разовых бумажных платков, губную помаду, ключи от квар-тиры и ключи от дома, и маленький кошелёк, заполненный картами и визитками. Затем, хмыкая, решает не притраги-ваться к паре прокладок, и, наконец, достигает мобильного, который не подавал признаков жизни вот уже несколько ча-сов.

— И как давно он сдох? — спросил, когда телефон отка-зался включаться. Я молчала, и он спросил чуть громче: — Ты оглохла?

Встал передо мной. Приблизился вплотную, позволяя древесному запаху, исходящему от его тела, проникнуть в мои лёгкие. Полностью заполняя их и безнадёжно оседая в моей памяти. Запахи... пожалуй, это единственное, что я могла помнить целую вечность.

Задержав дыхание, заставляю себя посмотреть ему в гла-за. Но чёрта с два. Я вижу только тёмные глазницы, и слышу мерное дыхание над головой. Он высокий. Выше меня почти на голову. Или же это я низкая. Мой рост едва достигал ста

шестидесяти пяти.

— Не знаю, — мой голос предательски дрожит. Это так раздражает. Я обещала себе. Я давала себе слово, что никогда больше и никому не продемонстрирую свой страх. И вот... всё возвращается. И я не могу это контролировать.

— Скажи мне правду, девочка, — опустив пистолет, он медленно обхватывает прохладными пальцами моё лицо. Сжимает их на щеках, снова причиняя боль и вынуждает открыть рот, чтобы хоть как-то облегчить её.

Но мне действительно тяжело говорить. Горло саднило, голос дрожал, а в голове настоящий хаос. Торнадо из неразборчивых мыслей и отсутствие возможности их высказать. Всё, что мне остаётся — молчать. Сойти за перепуганную дурочку. Хотя... тут и претворяться не нужно было.

— Скоро приедет полиция. — С трудом произнесла, преодолевая онемение в челюсти. Его пальцы всё так же крепко сжимали щёки, вдавливая внутреннюю сторону в зубы. Было больно.

Не знаю, что меня выдало.

Но, всматриваясь в моё лицо несколько долгих и мучи-

тельных секунд, он совсем немного ослабил хватку и хмыкнул.

— Ты никого не вызывала. — Медленно разжал пальцы и так же медленно провёл ими по щекам, спускаясь к подбородку. И, зацепив его, надавил, заставляя поднять голову выше. — Но хвалю за попытку.

— Ч-что ты собираешься делать? Кто ты? — меня потряхивало. Ноги ослабли, и я чувствовала, что в любой момент могу рухнуть на пол. Сил не осталось. Должно быть, эмоциональная перегрузка сегодняшнего дня сказалась на моём самочувствии. В какой-то момент мне показалось, что моих сил не хватит даже на побег.

— Пока не знаю, — отпустив мой подбородок, он кивнул в сторону того самого коридора, откуда мы пришли. Туда, где находилась уборная и хозяйская спальня. — Пошли.

Моя голова затряслась, а ноги, до этого лишённые сил, вдруг вросли в пол.

— Я не пойду, — продолжала трясти головой, и жалобно пискнула, когда мужик, схватив меня за руку, швырнул вперёд. Я чуть не упала, но его рука снова меня подхватила. И уже не отпуская повела туда, куда нужно ему. — Не трогай

меня!

Попытавшись вырваться, я занесла свободную руку порываясь оттолкнуть его от себя. Но как только к моей щеке был приставлен пистолет, тут же затихла. И, поджав губы, ощутила невыносимое жжение в носу и глазах.

— Твою мать, — тихо выругавшись, он протаскил меня по коридору до самой ванной. — Только тебя мне не хватало. Не заставляй меня возиться с твоими истериками. Поняла? — Его рука сильнее сжалась на моей. Даже сквозь пальто я ощущала эту мёртвую хватку. Уверена, у меня будут синяки.

Оказавшись напротив комнаты, покрытой мраком, он замер. Ему хватило пары секунд, чтобы решить, куда ему лучше меня впихнуть. И это оказалась ванная комната.

Не реви. Слышишь? Виктория! Не смей распускать сопли! Не смей! Это всех раздражает. Соберись и успокойся...

Я пыталась унять нарастающую панику. Но она захлёстывала меня. Накрывала собой, словно ударная волна после взрыва. Оглушала и лишала воли.

— Нам придётся пососедствовать некоторое время, — процедил сквозь зубы этот нелюдь прежде чем снова швыр-

нуть меня.

Я упала на коврик возле ванной и, не поднимая головы, сжала пальцы в кулаки. Чувствуя как ногти впиваются в собственную кожу, я, кажется, немного приходила в себя. Тяжело дыша, исподлобья смотрела на его босые ноги, которые ходили из стороны в сторону, будто он что-то искал.

А затем, что-то пробормотав, он застыл на месте. Его ноги остановились в шаге от моего лица.

— Руки, — прозвучало надо мной, и я, наконец, задрала голову. Медленно прошлась взглядом по мужской фигуре, возвышающейся надо мной. Теперь вокруг его бёдер было обмотано полотенце. — Тебе нравится, когда я делаю тебе больно? — Он неторопливо опустился на корточки передо мной. — Я сказал: дай мне свои руки.

— Просто отпусти меня, — я попыталась не выглядеть жалко. Хотя, сомневаюсь, что у меня получилось.

— Очень смешно, — отмахнувшись от меня, он выжидающе протянул свою руку. — Я повторяю в последний раз: руки.

И снова шмыгнув забитым донельзя носом, я выполнила

его требование. Встав на колени, протянула руки и тут же ощутила холод на запястьях. Это были его пальцы. Он потянул меня на себя, и я проехала вперёд вместе с ковриком. Смотрела на то как он обматывал мои запястья моим же шарфом.

Больно. Слишком туго. Так туго, что мне не развязать этот узел. Обречённо вздохнув, я поняла, что мне не сбежать. Хотя бы потому, что я увидела возле него бельевую верёвку, которая, судя по всему, предназначалась для моих ног.

Он не похож на маньяка. Подумала я, боязливо поднимая взгляд, и снова изучая его нахмуренное лицо. Бандит. Возможно. Беглый заключённый? Тоже возможно. Но не псих. И эта мысль хотя бы немного утешала меня.

— Ты не убьёшь меня? — Я заставила свой язык зашевелиться.

— А следует? — Он так посмотрел на меня, будто был удивлён тому, что я впервые не заикаюсь.

— Позволь мне уйти? — Мне показалось, что я смогу достучаться до него. Просто попробовать. — Я клянусь, что никому ни о чём не расскажу. Просто уйду. И вернусь через столько, через сколько ты скажешь. Это ведь... мой дом. Ты

же здесь не навсегда?

— Не навсегда. — Выдохнул, завязывая ещё один тугой узел на моих запястьях. И, потянувшись за бельевой верёвкой, добавил: — Теперь ноги.

...

Влад

Я никогда не любил сюрпризы. Они всегда путают карты и потом приходится перестраиваться под них. И этот сюрприз не стал исключением. Я рассчитывал залечь на дно как минимум на пару месяцев. В то время как меня будут искать в Грузии, я всё ещё здесь. Ближе, чем кто-либо может подумать. И эта дача... Виталик с пеной у рта доказывал мне, что старые хозяева уже на том свете, а наследники бывают здесь пару раз за год.

Теперь у меня возник вопрос: на какой хер мне такой помощник, если он обосрался в таком плёвом деле?!

Он утверждал, что в ближайшие пять месяцев здесь никого не будет. И тут... как снег на голову. Нет. Это лавина, накрывшая меня в самый неподходящий момент.

Да и не мог он быть подходящим.

Я и недели здесь не пробыл, а тут заявила она. Наследница, мать её. Мне бы отлёживаться ещё как минимум дней пять. Но теперь придётся возиться с девчонкой. И что-то мне подсказывало, что она принесёт немало головной боли.

Её дом? Сколько ей лет? На вид не больше семнадцати.

Чёрт.

Вздохнув, я покосился на маленькое тельце, свернувшееся в клубок на холодном полу ванной комнаты. И, почувствовав укол совести, выругался и отправился в спальню за одеялом.

— На, — бросил ей одеяло. И, сообразив, что она не справится сама, раздражённо цыкнул. — Чёрт, что за напасть?

Я наклонился, расправляя одеяло и помогая девке на него залезть.

— А то почки отморозишь. Или ещё чего...

И, разозлившись на самого себя, грубо дёрнул её за руку. Она зашипела, но не произнесла ни слова. Только зыркнула

на меня исподлобья, словно жалом пронзила.

С какого хера я вообще волнуюсь о её здоровье?

Ты, Влад, свою жалость и сентиментальность засунь себе в задницу...

— Значит так, — я опустил перед ней на корточки, и перехватил цепкий взгляд. — Сидишь тихо. Даже не думай о том, чтобы сбежать. Выкрутасы оставь при себе.

Меня бесило, что она так смотрит.

Почему я упустил тот момент, когда страх в её глазах сменился тихим гневом? И когда она успела? Или... что я сделал не так?

Она должна меня бояться. И никак иначе.

Заношу руку, чтобы отследить её реакцию. И... как только мои пальцы коснулись отворота её пальто, девчонка вздрагивает.

Ожидаемо. И очень хорошо.

Моя рука уходит в свободное плавание. Медленно, но

смело сдвигаю шерсть, заставляя девчонку тут же застыть. Она даже дышать перестала. Её грудь замерла, а большие глаза уставились на меня так, будто она только что прозрела.

Мне не нравится то, что я делаю. Откровенно говоря, меня терзают сомнения относительно её возраста. Ей есть восемнадцать?

— Ты не пострадаешь, если будешь играть по моим правилам. Ни ты, ни твоя гордость, ни твоя честь. — Развернув кисть, тыльной стороной обвожу округлую грудь, и слышу как она пропихивает по своей глотке комок. Её губы снова затряслись, а крылья аккуратного носика дёрнулись, демонстрируя мне всю палитру её переживаний.

Так-то лучше.

Несколько секунд пристально смотрю на неё и, убедившись в том, что она меня поняла, поднимаюсь, и не оглядываясь выхожу из ванной.

Возвращаюсь в комнату, где оставил её телефон и разбираю устройство на части. Нахожу зажигалку и палю к чертям сим-карту.

Виталик, мать твою...

Я так зол, что мне хочется сломать ему колени. Бить башкой о стену, пока его мозги не встанут на место. Как он мог упустить это?

Глава 4

Влад

Мне оставалось только ждать. От своего телефона я избавился ещё в тот день, когда произошло покушение. Мне нужно было исчезнуть и желательно не оставить после себя никаких следов. Поэтому я пока был без связи, а Виталик приезжал сюда по заранее составленному графику. Еда, вода, медикаменты. В общем, всё необходимое, чтобы пережить и встать на ноги. И Лёд. Мне нужен ещё лёд, потому что он справляется с моей болью лучше всяких лекарств.

До смешного... как же наивны люди. И я не стал исключением, когда был уверен в том, что в моей жизни ничто не изменится. Но и в моём окружении оказался Иуда. Я думал, что ни один из моих людей не осмелится пойти против меня. Но... классика жанра, мать её. Им оказался человек, которому я доверял больше, чем остальным. А Виталику, как бы я сейчас ни был зол, я теперь обязан жизнью.

Он тащится в эту глушь, добираясь сюда электричкой. Окольными путями, попутками и, наконец, арендованной тачкой, пристроенной в одном из гаражей местного обывателя. Так, чтобы ни одна душа не заподозрила о том, что я

здесь. Кто-то считает меня мёртвым, а кто-то ищет в Грузии.

Одевшись, я вернулся в ванную и, убедившись в том, что девчонка успокоилась и больше не шмыгает носом, бросил ей ещё одно одеяло. Хотя сомневаюсь в том, что оно ей поможет.

Нужно зажечь камин. Но опять же, вряд ли его тепла достаточно для того, чтобы добраться до ванной.

— Ты оставишь меня здесь? На всю ночь? — поникший голосок раздался за моей спиной, когда я уже собрался снова оставить её.

— У тебя есть другие предложения? — мой раздражённый взгляд вернулся к девушке, которая смотрела на меня так, словно я её спаситель, а не палач. — Хочешь составить мне компанию?

Но мысль, в общем-то, неплохая. Так она хотя бы будет у меня на виду. Но ночь в любом случае будет беспокойной, потому что мне придётся следить за тем, чтобы она ничего не выкинула.

Уголки её губ поползли вниз, а подбородок задрожал.

Было бы лето, я бы скорее всего даже не задумывался о том, в каких условиях она будет спать. Мог бы и в погреб спустить. А он здесь есть. Но за окном минус десять. Да и девка ни в чём, по сути, не виновата.

Но по базе её всё же пробить не мешает.

А потому я жду Виталика, который явится сюда только завтра к обеду.

Моё плечо заныло, и я нехотя скривился. Задержал дыхание, чувствуя стреляющую боль под лопаткой, отголоски которой разносились по всей левой стороне моего туловища. Рану нужно было обработать, а сделать это мог только мой draжайший доктор. И по чудесному совпадению этим доктором оказался именно Виталий. Именно он оказался рядом со мной в тот момент, когда я получил пулевое в спину. Именно он тащил меня на себе и прятал под еловыми ветками и листьями вперемешку со снегом, чтобы спасти мне жизнь.

Так что... я обязан ему.

— Сколько ты будешь меня здесь держать? — сместившись, девушка попыталась снова сесть на колени. — Меня ведь будут искать. И это будет первое место...

— Вот в этом-то и проблема, — я вновь опустил на корточки, рассматривая её личико, обрамлённое русыми волосами. Аккуратный и покрасневший носик, напоминающий детский; пухлые слегка опухшие губы, упрямый подбородок и глаза, цвет которых я пока что не разобрал. Ни то серые, ни то зелёные. А может и то, и другое. Девчонка была невысокой и довольно-таки миниатюрной. А потому я всё ещё сомневался, есть ли ей восемнадцать. Если она несовершеннолетняя, то искать её начнут раньше. — Сколько тебе лет? — озвучил вопрос, который на данный момент волновал меня больше остальных.

Но она, поджав губы, вдруг замотала головой, отказываясь отвечать. И, съёжившись, поползла на коленях назад, едва не забиваясь под ванную.

— А ну стоять! — я ухватился за хрупкий локоть, возвращая её на место. И, наклонившись почти вплотную к её лицу, перехватил сбившееся дыхание. — У меня нет настроения возиться с тобой. Давай договоримся на берегу? Ты делаешь, что я тебе говорю и не доставляешь мне проблем. А я, — протянул руку, убирая упавшие на лицо пряди, а заодно касаясь её нежной кожи костяшками, — ну, ты поняла...

Она смотрела на меня не моргая. И я видел как влага скапливается в уголках её глаз. А мне захотелось её встряхнуть

как следует, чтобы заставить отвечать быстрее.

— Я всё равно узнаю, — машинально провёл языком по пересохшим губам. На самом деле мне очень хотелось, чтобы мои догадки о её возрасте оказались ошибочными. Потому что девчонка при ближайшем рассмотрении оказалась очень хороша. — Так или иначе. Ну? Будем по-хорошему? Или по-плохому?

И тут меня осенило.

Сумка.

Я ведь не всё оттуда вытряхнул. Вполне возможно там есть её документы.

И, недолго думая, я вернулся в тёмную гостиную и включил настольную лампу. Нашёл её сумку и достал из неё оставшиеся вещишки.

Есть! Права!

Она водит? Она что, на машине сюда приехала?

Чёрт.

И хорошо, и плохо.

Плохо, потому что по машине её легко найдут. Хорошо, потому что всё же ей есть восемнадцать.

Богданова Виктория Филипповна. За пару секунд произвёл расчёт в уме, довольно кивая собственным мыслям. Двадцать пять. Двадцать пять? Возможно, дело в её заплаканном лице? Может, именно поэтому я поначалу посчитал её школьницей?

Но, удовлетворённо выдохнув, я отложил водительские права в сторону, чтобы изучить всё остальное. Ключей от автомобиля не было. Если мне не изменяет память, в карманах её пальто тоже было пусто. А значит, она всё же без машины. Я вытащил все карты из маленького портмоне. И меня удивило, что кроме визиток и бонусных карт, там не было ни одной банковской. Только наличка. Несколько тысяч и... кольцо. Оно чем-то напоминало помолвочное. Белое золото, увенчанное прозрачным мерцающим камнем. Возможно, бриллиантом.

Поняв, что искать тут больше нечего, я расстегнул свой каучуковый шнурок на шее и нанизал на него найденное украшение. Затем прихватил с собой её права и отправился обратно.

...

Вика

Я уже плохо соображала. Не понимала, от чего трясусь больше: от страха или от холода? Несмотря на то, что я всё ещё была в верхней одежде и ботинках, я чувствовала, как холодный воздух пробирается мне за пазуху. Пальцы на руках и ногах начали неметь. И я снова не понимала: от холода это или от тугих узлов, из-за которых кровь не могла нормально циркулировать.

Я вслушивалась в приближающийся звук шагов и интуитивно сжималась, в попытке слиться с ванной. Он наверняка нашёл мои права и теперь владеет информацией не только о моём возрасте, но и имени. А это значит, что при большом желании он найдёт меня в случае моего побега.

Побег...

Я и правда сомневалась в том, что мне удастся это сделать.

— Виктория, значит. — Пророкотал, заходя в ванную, и его голос отозвался глухим эхом. Я тут же подняла голову, перехватывая взгляд, от которого у меня волосы шевели-

лись. Он смотрел на меня так... словно у него на меня большие планы.

И эта мысль заставляла моё сердце вздрагивать после каждого вдоха. У меня во рту пересохло, а горло саднило всё сильнее. Опухшие от слёз веки становились тяжелее. Это стресс. Это защитная функция моего организма. Так ведь?

Потому что я не вижу других причин своего полного бессилия. Мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание. Что уже говорить о побеге? Где вся моя прыть? Где тот всплеск адреналина, благодаря которому люди могут совершать невероятные вещи в момент потрясения? Где. Всё. Это?

— Честно говоря, я уже начал волноваться. — Мужчина в очередной раз присел передо мной на корточки. Но не дождавшись от меня встречного вопроса, продолжил: — Не хотел... обижать ребёнка. А тут приятный сюрприз. Она уже далеко не ребёнок.

Эти слова мелкими копьями вонзились мне в шею. Мне показалось, что я вовсе не могу дышать. Открыв рот, я попыталась сказать хоть что-то, что могло бы меня защитить, но с губ срывался только воздух.

Он хотел, чтобы эти слова возымели свой эффект?

Так вот: они возымели.

В моей голове молниеносно возникла картина, которую я так старательно пыталась забыть. Лицо, смех, руки... и те ощущения, от которых мои органы скручивало, вызывая тошноту и удушье. Снова.

— Я буду послушной, — с трудом проговариваю, не замечая, как с ресниц всё же сорвалась очередная слеза.

Я буду. Послушной.

Я не стану повторять свои ошибки. Не наступлю на те же грабли. Я не...

Я очень постараюсь.

Истерики не помогут. Ты же это знаешь, Вика.

— Без истерик? — Будто прочёл мои мысли.

— Да, — кивнув, я втянула голову в плечи, закрывая шею и вид на грудь в вырезе своей кофты. И он, заметив это, усмехнулся.

Покачав головой, что-то пробормотал и, сдвинув в сторону второе одеяло, которым я так и не сумела укрыться, произнёс чуть громче:

— Делаешь, как я говорю. Ясно?

Я нехотя кивнула, уговаривая себя не давать ему повода для агрессии.

Подожди, Вик. Ты справишься с этим. Это почти как пересдача экзамена. Только дурак не учтёт своих предыдущих ошибок. Но ты же не дура?

Я всхлипнула, когда его руки обхватили узел, затянутый на моих лодыжках, и потянули на себя.

Я почувствовала боль в тот момент, когда, вздохнув, он подхватил меня на руки. И, закинув к себе на плечо, словно я мешок, вышел из ванной комнаты, направляясь вместе со мной обратно в гостиную.

Глава 5

Вика

Я не спала. Просто не могла себе позволить эту роскошь. Потяжелевшие и опухшие веки всеми правдами и неправдами склоняли меня ко сну, но я держалась.

Я понятия не имела, который сейчас час и мне казалось, что эта ночь никогда не закончится. Будто время остановили; и лишь мерное дыхание этого мужлана рядом и тихое потрескивание дров в камине говорили о том, что жизнь продолжается.

Тяжело вздохнув, я покосилась на наручники, которыми были скреплены наши руки. Я впервые в жизни видела наручники. И ощущать их на своих руках было крайне неприятно.

Да. У этой сволочи, оказывается, были даже наручники. Я не решилась спросить, откуда они у него. Но в глубине души была ему благодарна за то, что шарф и верёвка были сняты с моих рук и ног. Потому что мои конечности давно онемели, и я на тот момент уже не чувствовала кончики своих пальцев.

И теперь мои ноги были свободны. А одна рука была окольцована холодным и грубым металлом. Второе кольцо он закрепил за своём запястье. А ключ демонстративно засунул в передний карман тёмно-синих джинс.

До этого он успел развести камин и приоткрыть одно из окон.

— Спи. Утром поговорим.

Это всё, что он сказал перед тем как закрыть глаза. И, сидя рядом с ним на диване, я куталась в одеяло и попеременно смотрела то на танцующие язычки пламени, то на него. Я следила за тем, как поднимается и опускается его грудная клетка. Огонь окрасил комнату в цвета заката, и отблески придавали его лицо зловещий и таинственный вид.

Он был красив.

Да простит меня моя совесть, но я не упустила из виду ни его мужественное лицо, ни спортивную фигуру. Возможно, я сделала это неосознанно, но факт остаётся фактом. Сейчас он был одет в синие джинсы свободного классического кроя, и такую же свободную футболку чёрного цвета с глубоким треугольным вырезом на груди. Длинные ноги он вы-

тянул перед собой, и я не прекращала удивляться тому, что его ступни до сих пор были босы.

Он что, совсем не мёрзнет?

На мне всё ещё было пальто и ботинки, но я так и не могла согреться. Даже с одеялом. Даже с зажжённым камином.

Я всё сидела и смотрела. Пыталась разработать в голове хоть какой план побега. Но...

— Надо подбросить дров. — Внезапно его губы зашевелились. Его голос, казавшийся до этого грубым и чересчур басистым, сейчас был хриплым и мягким. Почти мурлыкающим.

Я вышла из оцепенения только тогда, когда он открыл глаза и повернул голову, чтобы посмотреть на меня.

Задержав дыхание, я смотрела на то, с каким любопытством он рассматривал меня.

А потом, резко оттолкнувшись от дивана, он встал и моё запястье прострелила боль. Будто меня пытались лишить руки! Зашипев, я подорвалась со своего тёплого места и молча поплелась вслед за ним. Прикусив себе язык, наблюдала за

тем, как он подкидывает поленья одно за другим в затухающий камин, и осторожно поправляет их, выстраивая домиком.

А затем, резко поднявшись, оказался так близко, что я дышать перестала. И пульс... кажется, он тоже перестал биться. Кровь в жилах застыла, когда он медленно потянул за наручник, приближая меня к себе и внимательно рассматривая меня.

— Если тебя начнут искать, — я могла поклясться, что вместе с бликами огня в его глазах плясали черти, — Если придут сюда... — его рука оказалась напротив моего лица. И, плавным движением он убрал мне за ухо волосы. Пошее прошлась волна мурашек. — Я убью его. Или её. Потому что... ты — проблема, которая притянет ещё больше проблем. Понимаешь это?

Мне стало настолько дурно, что я не могла произнести в ответ ни одного слова. Поэтому просто кивнула. А он продолжил:

— Я пока не знаю, что мне с тобой делать. Ты... мне действительно жаль, что всё так складывается. Но ты не оставила мне другого выбора. На кону всё. Понимаешь? — На пару секунд задумался и добавил: — Нет, ты не понимаешь. Тебе

и не надо. Но помни одно: я добр к тебе, пока ты не создаёшь мне дополнительных проблем. Но как только ты спутаешь берега...

Его взгляд спустился на мои губы. А затем, медленно и мучительно прошёлся по моей шее, соскальзывая на декольте.

Рябь по коже разрасталась со сверхъестественной скоростью. Меня передёрнуло и он, почувствовав это, улыбнулся.

...

Влад

Мне слишком сильно нравилось наблюдать за ней. И хотя она была моей проблемой, это не означало, что мне не может быть приятно её нахождение в непосредственной близости. Возможно, я одичал за последнее время. Или же просто соскучился по женской компании. И её реакция на меня была чем-то новым. Глотком свежего воздуха после затхлой темницы. И хотелось надышаться ею на год вперёд. Вдыхать полной грудью и чувствовать как расходятся рёбра, чтобы лёгкие могли полностью заполниться этой свежестью.

Уверен, что при других обстоятельствах, мы могли бы

найти общий язык.

— Надеюсь, мы поняли друг друга.

Она смотрела на меня не моргая. Взмахивала ресницами и пыталась заставить свой подбородок не дрожать. А мне так хотелось прямо в этот момент залезть к ней в голову, чтобы узнать, о чём она думает.

А потом...

— Здесь есть обогреватель. Там, — выдала мне, кивая в сторону письменного стола возле окна. — Под столом.

— Тебе не хватает камина? — Мне показалось это подозрительным.

— Я не могу согреться. Мне холодно. Правда. — Выдала девчонка.

И я, недолго думая, подхватил её руку, стискивая ледяные пальцы в горячей ладони, и понимая, что она не врёт. Они и правда словно ледышки.

Я не хотел идти у неё на поводу. Но что-то заставило меня кивнуть и, развернувшись, потащить её за собой, чтобы

найти под тем столом обогреватель, о котором она просит.

И я его нашёл. Не трудно было.

Масляный радиатор я поставил напротив дивана. И, подключив его, сел, утягивая девчонку за собой.

Вика.

— Меня Влад зовут. — Нехотя произнёс, рассматривая кольца наручников на наших руках. Даже не знаю зачем это сделал. Кто меня за язык тянул? Радует только, что имя Влад она соотнесёт с Владиславом. Но никак не с Владимиром. Но я Владимир.

Взглянув на неё, я не увидел никакой реакции. И, усмехнувшись, покачал головой.

Но не стану отрицать: мне будет приятно, если в своих мыслях она будет называть меня Владом, а не мразью.

— Лучше поспи. — Подытожил наш крошечный диалог, откидываясь на спинку старенького дивана, и закрывая глаза. — Ночь только началась, Вика. Наберись сил. Потому что они тебе ещё понадобятся.

Глава 6

Вика

Я открыла глаза, почувствовав лёгкое торможение. Не сразу сообразив где я и в каких обстоятельствах, я мазнула сонным взглядом по комнате. И, отрешённо покачав головой, тихо застонала.

— Пора просыпаться, девочка.

Девочка. Это слово набатом прозвучало в моей голове, вызывая ноющую боль в висках.

Боже. Я ведь уже допустила мысль, что это был сон. Дурной и тошнотворный сон, от которого можно просто отмахнуться. Но нет...

Спрятав лицо в ладонях, я зажмурилась. И, слегка покачнувшись, поняла: моя рука... она свободна. Вздрагнув, я убрала от лица руку и уставилась на покрасневшее запястье. На коже остался след от наручников, но сейчас это казалось сущим пустяком.

И, всё ещё не веря своим глазам, я потёрла то место, где

недавно был браслет, раздражающий нежную кожу.

И единственной мыслью, ворвавшейся в голову, стала: я свободна? В буквальном смысле? Что это значит? Он отпускает меня?

Несмело покосившись на источник моих бед, я открыла рот. Но он, словно предугадывая мои мысли, зацыкал и закачал головой. Его губ снова коснулась улыбка.

— Нет, — подрезал мне крылья, не позволяя даже задать вопрос, — ты никуда не уйдёшь, Вика.

Не уйду?

— Но ты, — я снова потёрла запястье, — я думала...

— Я не монстр, — он поднялся с дивана, попутно разминая свою шею пальцами. — И говорил, что моё отношение к тебе напрямую зависит от твоего поведения. Пока что ты умница... но не разочаруй меня.

Молча выслушав его, я искоса посмотрела на его ноги. Босые. Уму непостижимо!

Влад. Так он назвался? Это его настоящее имя? Или он

выдумал его?

— Будь у меня на виду, — сказал перед тем, как вновь подойти к камину. — И слушайся. Это всё, что от тебя требуется.

Смахнул лопаткой золу в специальный отсек и сложил несколько тонких досок в центр, подпаливая их. Действовал ловко и быстро. И уже через пять минут я услышала характерный треск. Приятный запах обволакивал меня. И немного успокаивал.

— Я в туалет хочу, — тихо произнесла у него за спиной.

Конечно же, мне хотелось метнуться в сторону двери и бежать отсюда со всех ног. Но я трезво смотрела на вещи и прекрасно понимала, что этот побег окончится ничем. Мало того, это скажется на его отношении ко мне. Я лишь усугублю этим поступком своё положение. А я не могла этого допустить.

— Пошли, — ответил, выпрямляясь и поворачиваясь ко мне.

— Ты тоже? — возмутилась, не представляя как буду справлять нужду в его присутствии. Я этого не делала даже

при Артуре!

— А шторка тебе для чего?

— Я не смогу, — покачав головой, растерялась.

— Сможешь. Давай.

Подтолкнув меня вперёд, хмыкнул. И, поняв, что я всё ещё не смирилась с его требованием, добавил:

— У тебя нет выбора. Ты забыла?

Чёрт!

Это было так унижительно. Хотя я находилась за шторкой, я чувствовала как к моим щекам приливает кровь, и они становятся горячими. Я понимала, что не могу диктовать ему свои правила. Но...

— Поспеши. Я дам тебе перекусить и снова пристегну к твоей руке наручники.

— Я не сбегу. — Заскулила, удручённо вздыхая.

— Я знаю.

Как только я смыла за собой, он тут же отодвинул штору, даже не дав мне до конца натянуть штаны. Но, сжав челюсти, я только лишь зарычала про себя. И, одёрнув кофту, сделала шаг навстречу. Моя рука потянулась за пальто, которое я сложила на корзину для белья.

— Ц, — он качнул головой, перехватывая мою верхнюю одежду быстрее меня. — Оставь его. Оно тебе не понадобится.

Как же предусмотрительно.

Но он позволил мне почистить зубы. Пальцем. И на том спасибо.

На завтрак мне достался чёрный чай и хлебцы. Я привыкла к плотному завтраку, а потому мне было этого слишком мало. Но всё же я благодарно кивнула, получая еду. Потому что мой желудок нещадно болел, требуя пищи.

— Идём, — потянувшись к моей руке, он ловко окольцевал запястье металлическим браслетом, который тут же обжёг кожу холодом. Я и пикнуть не успела, как он тащил меня обратно в ванную комнату.

— Там же холодно, — я вспомнила как стучали мои зубы, когда он оставил меня там вчера. А сейчас на мне даже не было пальто.

— Я поставлю там тебе радиатор. Не замёрзнешь. И одеяло, так уж быть.

Зыркнул на меня раздражённо и, дёрнув за наручники чуть сильнее, заставил ускориться.

...

Влад

— Какого чёрта она здесь делает? — возмущённо взглянув на меня, Виталик поставил на пол пакет с продуктами и медикаментами.

— Это ты мне скажи! — Я ткнул пальцем ему в грудь. — Не ты ли мне говорил, что здесь глухо как в танке? М?! Вот и скажи мне, какого хера она тут забыла?

— Блять, — растерев ладонью щетину, Виталик озадаченно опустился на диван, где всё ещё было скомкано одеяло, под которым спала девчонка. — Понятия не имею, Влад. Я всё десять раз проверил, перед тем как привезти тебя сюда. Это было идеальное место, чтобы схорониться.

— И что ты теперь предлагаешь мне делать?! Убить её? Это лучшее, что я могу сделать, чтобы быть уверенным завтрашнем дне.

— Где она? — я видел в глазах Виталика испуг. Он и сам понимал, что девчонка может стать для нас огромной проблемой.

— В ванной.

— Не сбежит?

— Наручники, которые ты оставил, мнегодились.

— Это хорошо, — задумчиво произнёс друг, стирая ладонью растерянность со своего лица. — Хорошо...

— Что, блять, тут хорошего?!

Раздражаясь, я пнул пакет с продуктами, и из того выкатилась пара яблок. Мне хотелось пнуть Виталика, потому что это самая настоящая подстава. Теперь я в замешательстве. И я понятия не имею, к чему может привести вся эта история.

— Что ты знаешь о ней? — Я поднял одно из яблок и, протерев его своей футболкой, надкусил.

— Да немного, — Виталик покачал башкой, — девчонка сирота. Но есть младшая сестра. Общаются мало. Та живёт в другом городе и они не особо близки. Родители погибли лет десять назад, и их воспитанием занимались дед с бабкой. Это их дача. Старики померли. Городская квартира отошла сестре. А этой, — он кивнул в сторону коридора, ведущего к хозяйской спальне и уборной, — досталась эта дача.

— Дальше, — я опустился на диван, подгребая одеяло под себя.

— Ну, а что дальше? — Он развёл руками.

— Откуда ты её знаешь?

— Да я не знаю её толком. Видел один раз, когда её жених намеревался продать эту дачу. Я хотел её купить, чтобы у меня было тихое место, но в последний момент сделка сорвалась.

Жених, значит...

Мои пальцы автоматически легли на кольцо, которое я повесил на свой шнурок.

— Но из разговора с этим женихом, я узнал, что эта дача

висит балластом. Они бывают здесь пару раз в год. В мае и в сентябре. Поэтому я и привёз тебя сюда, зная, что до мая ещё целых грёбанных полгода!

— Ясно. — Кивнув, я переваривал информацию и смотрел на то, как в камине полыхает огонь. — Надо узнать ещё. Мне нужны все подробности. Где работает, с кем общается. Родственники, друзья, коллеги. Жених. Если кто-кто кинется её искать, мы должны это знать. Сможешь сделать?

— Угу, — промычал Виталик, стискивая в кулаке ключи от машины. — А она что говорит?

— Да ничего не говорит. Что она может сказать? Только трещит о том, что это её дом...

— Истерики?

— Нет, — я покачал головой, вздыхая. — Кажется, девчонка совсем не глупа. Ведёт себя так, будто уже успела побывать в подобной передрыге.

— Ясно, — резко поднявшись, друг полез во внутренний карман своей дублёнки, — на вот. — Протянул мне ключи. — Тачка стоит за бугром. Там халупа старая... такая, с серым шифером, и огромной ёлкой перед забором. Помнишь?

— Да.

— Там гараж. Добротный такой. Из белого кирпича с красными воротами. Тачку пристроил там. Вот ключи. Как ты и просил.

— Спасибо. — Перехватил ключи, пряча те в кармане и попутно раздумывая над тем, почему эта девчонка вчера была зарёванная. Ещё до встречи со мной. — Лёд привёз?

— Да. — Отмахнулся Виталик. — Оставил там же: на заднем дворе под брезентом. Четыре пакета. Сам как? Как рана?

— Ноет, — я доел яблоко вместе с огрызком, и потянулся руками к футболке. Стянул ту через голову и подготовился к процедурам. — Но лучше, чем было. Однозначно.

Глава 7

Вика

Свернувшись в клубок, я сидела на одеяле и вслушивалась в гробовую тишину, заполнившую дом. Ни единого звука, кроме ветра, что завывал свои тоскливые песни за окном. Ничего. Такая... пустота. На миг мне показалось, что я здесь совершенно чужая. Будто стены дома, который был для меня роднее своего отражения в зеркале, сам выдавливал меня отсюда. Стены медленно сжимались, не оставляя мне шансов на другие мысли. Будто, сдвигаясь, тихо шелестели мне на ухо: пошла вон...

Вздрогнув, я перевела взгляд на дверь. Мне показалось, что за ней раздался глухой стук. И, перестав дышать, я затаилась. Ждала, что ОН войдёт. Или не он. Я и сама не понимала, чего хочу больше: чтобы этот Влад вернулся и отстегнул меня от одной из кованых витиеватых ножек, на которой стояла неподъемная чугунная ванна; или, чтобы зашёл тот, чей голос доносился до моих ушей некоторое время назад. Здесь кто-то был. И этот кто-то приходил к нему. Точно не ко мне. Я слышала, как они разговаривали, и даже смеялись. Но не была уверена в том, что этот "гость" мог мне чем-то помочь.

А потому продолжала сидеть тихо. И ждать.

Сколько я уже прождала? Минимум пару часов.

В доме всё стихло. И страх быть брошенной здесь, робко заползал мне под кожу, отзываясь мелкой дрожью на губах.

Тогда я точно здесь умру. От холода и голода.

— Эй?! — преодолев нерешительность, я подала, наконец, голос. И не узнала его поначалу. — Э-э-й?! Ты забыл про меня? — Даже сомкнув стучащие зубы на нижней губе, я не могла перестать дрожать. Холодно. Радиатор не спасал. — Боже, — прошептала на выдохе и потянулась к ботинкам, развязывая на них шнурки. — Только не оставляй меня. Прошу тебя...

Стянув с ног ботинки, я вытянула ноги, стараясь достать ими до обогревателя. Тянула носок, как в детстве, когда занималась балетом... но до тепла оставалось ещё порядка двадцати сантиметров.

Я зарычала, отчаянно продолжая тянуться.

— Блин! — выкрикнула, уже не надеясь, что меня услы-

шат. — Ты не можешь оставить меня здесь! Я не справлюсь с этой ванной.

Наручник врезался в кожу, оставляя на ней вмятины и заставляя сжать зубы сильнее.

Но ноги не чувствовали тела. Даже немного.

Или... просто нужно подождать.

Прошёл ещё по меньшей мере час. Но холод никуда не делся. Моё пальто было не со мной, а ноги... я просто поджала их под себе, надеясь согреть их собственным теплом. В доме продолжала царить тишина, а ветер, кажется, стих.

— Бабуль? — от безысходности я впервые за долгое время заговорила с ней. В последний раз я делала это год назад. — Бабуль? Ты же поможешь мне? У меня никого нет теперь, ба. Никого... Женьке я, наверное, не нужна. Как бы я ни пыталась... ба? Я знаю, что ты слышишь меня. Ты мой ангел-хранитель, бабуль.

Закрыв глаза, я представила её лицо. Светлую и добрую улыбку и объятия, которые могли согреть любого. И появилось ощущение рук на моих плечах. Мягкое касание к ним и тихий, очень тихий шёпот: Викуля моя.

— Эй? — сквозь дурман, подкреплённый холодом, я услышала мужской голос. — Эй? Ты спишь?

Открыв глаза, увидела перед собой ЕГО. Глаза тёплого янтарного оттенка впились в моё лицо. И, резко втянув в себя воздух, я будто очнулась от ярких фантазий.

Он вернулся.

...

Влад

На какую-то долю секунды я испытал нечто, похожее на страх. Испуг, на мгновение, сковавший тело. Меня не было пару часов. Ну, может немного больше. Мне нужно было уйти, и я не мог таскать за собой эту девчонку.

Она замёрзла?

Нет. Не могла она замёрзнуть за это время.

Глупость какая.

— Давай, поднимайся, — достав ключ от браслетов, осво-

бодил её и, обхватив острый локоть, помог подняться. — Пошли. Греться будешь.

— Я думала, что ты не вернёшься, — удивила меня своим признанием.

— Соскучилась? — Тихо усмехнувшись, снова заглянул ей в лицо. Но она, будто не видела меня. — Шучу. Пошли.

Слегка подтолкнул её вперёд и медленно шёл позади, пока она, пальцами шурша по стене, шагала в сторону гостиной.

— Ну за что мне это наказание? — скинув с кресла-качалки газеты, усадил её напротив камина. Мои руки слегка дрожали, и это злило. — Тебя прибить легче, чем возиться с тобой.

Залез в спортивную сумку, которую мне притащил Виталик. Стащил с её ног носки и, достав из сумки, что привёз Виталик, бутылку водки, вылил на ладони сто грамм. Принялся усиленно растирать её стопы, попутно обращая внимание на то, какой маленький у неё размер ноги.

— Сейчас согреешься, — прохрипел, поднимая взгляд. Она смотрела на меня большими и влажными глазами. Даже не моргала. — Не думай, мне нравится с тобой возиться.

Не нравится. Правильно. Просто руки всё помнили. Помнили, как Аринка болела, и заботиться о ней было некому, кроме меня.

Аринка.

Её лицо, улыбчивое и безмятежное, непрошено ворвалось в сознание. Её смех тут же раздался внутри головы, а мои руки застыли, обхватив тонкие щиколотки.

А ведь когда её у меня отобрали, ей тоже было двадцать пять. Прямо как этой... Вике.

— Лучше? — собравшись, выдавил из себя. И, кивнув самому себе, добавил: — вот и отлично. Ноги закидывай на кресло.

Потянув с дивана одеяло, кинул девчонке и молча проследил за тем, как она оборачивается в него, словно в кокон, и поджимает ноги под себя.

— Спасибо, — тихо произнесла, искоса поглядывая в мою сторону.

— Должна будешь, — бросил через плечо, на свой страх

и риск оставляя в комнате одну.

Не убежит. Слишком замёрзла. Обувки у неё нет. Пальто я тоже припрятал. Убрал всё, чем она может воспользоваться для побега.

На скорую руку сделал для неё горячий чай и, вернувшись, застал её на том же месте. Сидит. Смотрит на огонь в камине. А мне приходит мысль, что с ней мне стоит запастись дровами. Потому что сам я этим камином пользовался пару раз. Не мерзляк. И никогда им не был. А эта... чуть что, и зуб на зуб не попадает.

Скорей бы избавиться от неё.

С толку сбивает.

Взяв табурет, поставил его рядом. И, опустившись возле девчонки, задумчиво уставился на рыжие языки пламени, лизавшие кирпичную кладку камина.

— Зачем ты приехала сюда? — не задумываясь спросил то, что взрывало мне голову. — М?

— Я не знала, — пожав плечами, она медленно повернула голову, пялясь на мой профиль. — Мне просто некуда боль-

ше идти. Это... мой дом.

— А жених? — Перехватил её взгляд. Она была удивлена. Брови слегка выгнулись, а на лбу образовалась морщинка. — Что-то мне подсказывает, что ты можешь поведать мне занимательную историю. Угадал?

Глава 8

Влад

Честно говоря, я и не надеялся на то, что она мне что-то расскажет. Поэтому даже не удивился, когда, шмыгнув носом, девчонка отвернулась и поджала губы, будто запрещая себе открывать рот. Не скажу, что мне было неинтересно. Всё же интрига её неожиданного появления здесь ещё сохранялась. Понятно было одно: она явно заявила сюда не от большого счастья. Судя по опухшим от слез глазам, губам и носу, она прорыдала не один час.

Что могло случиться?

Кто-то умер?

Жених?

Было бы неплохо.

— Как хочешь, — равнодушно произнёс и потянулся к бутылке с водкой.

Закрутив крышку, задумался о том, что не отказался бы

от пятидесяти грамм, но быстро отмёл эту мысль. Идея была не самой лучшей. Во всяком случае, Виталик пока что рекомендовал мне воздержаться от алкоголя.

Взглянув снова на Викторию, задумался. Имя ей подходило. Виктория Филипповна.

— Как погибли твои родители? — и снова не сдержался, задавая ей очередной вопрос.

И снова... взгляд, полный недоумения и направленный на меня.

— Откуда ты знаешь? — её голос дрогнул.

— Это так важно? — Потянувшись к её лицу, я опрометчиво коснулся кончиками пальцев девичьей нежной кожи. Она вздрогнула и тут же отодвинулась, лишая меня возможности прикоснуться к атласу, созданному Господом. Я разочарованно вздохнул. — Я говорил тебе, что узнаю. Это не так сложно, как ты думаешь.

— Что ещё ты знаешь? — прищурилась, демонстрируя мне своё недоверие.

— Тебе огласить весь список? — Уголок моих губ слегка

дёрнулся. И её это явно не понравилось.

А мне, в общем-то, всё больше нравилось её присутствие. Потому что находясь здесь в одиночестве и полной изоляции несколько дней, я истосковался по элементарному общению. Визитов Виталика мне было мало. Да и тем общих, кроме рабочих моментов у меня с ним не было. Мы не были с ним близки. Я не знал его как облупленного.

Я вообще стараюсь не подпускать к себе близко людей. Круг моего общения был катастрофически мал. Пара друзей, один из которых меня предал, а второй находится в международном розыске. И никто, даже я, понятия не имею, где он сейчас.

Так что... Виктория была весьма неплохим вариантом для времяпрепровождения. Здесь.

Я пока ещё не знал, что буду делать с ней дальше. Но мысль о том, что её, возможно, придётся убрать, не доставляла мне удовольствия. Мне лишь оставалось надеяться, что она даст обет молчания после того, как я его куплю. За круглую сумму, от которой будет трудно отказаться. Но что-то мне подсказывало, что она из тех, кто может взбрыкнуть.

И это плохо.

— Хорошо, — я кивнул, замечая как она прячет под одеялом добрую половину своего лица. Оставляет только глаза и волком смотрит на меня. — Не так много, но скоро будет больше. — Несколько секунд терпеливого молчания, и она тихо сглатывает ком в горле, кивая мне в ответ. Что это? Одобрение? Забавно. — Родители погибли, есть сестра. Младшая. Бабушка с дедушкой, которым когда-то и принадлежала эта милая дачка, тоже уже на том свете. Есть жених. — Подвожу черту и жду хоть какой-то реакции.

Мы вернулись к тому, с чего начинали.

Жених.

— Ну, так, — растираю ладонью отросшую щетину, — про кого говорить будем? Про родителей? Или жениха?

— Почему мы вообще должны об этом говорить? — Ощетинилась, злобно сверкая глазами-хамелеонами.

— А почему нет? Мы же, вроде как, неплохо ладим? Или нет?

Мне нравится её провоцировать. Нравится воинственность во взгляде и нравится, что она перестала робеть передо

мной. Не заикается, и старается любыми способами не показывать мне свой страх. И у неё хорошо получается. Любой бы поверил.

Но я не любой.

Я чувствую, как филигранно замаскированный страх, мелкими и едва заметными толчками исходит от неё. Буквально пульсирует, вызывая во мне волнение. Приятное и даже томное.

— Моего папу убили, — тихо произносит, и уголки её губ, подрагивая, опускаются вниз. Будто она сейчас расплачется. — Он заступился за девушку, к которой на улице приставали какие-то отморозки. — Широко раздув ноздри, она жала губы, делая короткую паузу. А у меня мороз по коже прошёлся, от её откровения. И... такой неприкрытой боли. — Ему проломили череп.

Замолчала. Отвернулась. Но я видел как по её щеке скатилась слезинка.

Неожиданный поворот.

— А мать? — Не давая ей отгородиться за молчанием, решаю добавить эту тему. Исчерпать и больше к ней возвра-

щаться.

Я прекрасно понимаю, что могу продолжение узнать от Виталика, который должен приехать снова через три дня, но почему-то хочу всё услышать из первых уст.

— Она погибла через два месяца после похорон папы. — Шмыгнула носом, продолжая прятать от меня лицо. — Её сбил автомобиль. Она переходила дорогу в неподобающем месте.

Более прозаично... подумал я.

Смерть.

Можно ли к ней привыкнуть?

Нет. Я это понял на своём опыте. Вокруг меня уже погибло не мало людей. Близкие и не очень. Но каждый раз я чувствую такую душераздирающую пустоту... что самому порой сдохнуть охота.

Но это временное помутнение. Оно проходит.

А ты остаёшься. Ты или твоя оболочка.

— Нелегко тебе пришлось, — всё, что могу произнести в ответ на её признание.

Она ничего не отвечает. Поведа плечами, всхлипывает и опускает голову, полностью прячась под одеялом. Мои руки вздрагивают, но я успеваю на корню пресечь желание притянуть её к себе.

Знаю не по наслышке, как больно терять родителей. Знаю, и по сей день с замиранием сердца вспоминаю тот дождливый и пасмурный день, когда мне, тогда ещё семнадцатилетнему пацану сообщили, что моих родителей застрелили. Прямо в их спальне. Спящих в кровати. В то время как я, бездумно тусовался до утра вместе со своим дружкой, лакая пиво и пуская слюни на одноклассницу, которая была слишком хороша. Для всех нас.

Помню, как смотрел на своего дядьку и нихрена не слышал. Его голос сливался с гулом в моей башке, а перед глазами тот вечер, когда видел отца и мать в последний раз. Ещё живыми.

Ничего не произнося больше, медленно поднимаюсь с табурета и, бросив на девчонку ещё один короткий взгляд, оставляю её одну. Мой желудок тихо зарычал, намекая мне на то, что он хочет жрать. Я ведь и не завтракал толком. И она

тоже. Чай с хлебцами? Это я погорячился. И она наверняка тоже хочет есть. Поэтому, распаковав пакеты с едой, которые привёз Виталик, я потянул носом, чуя запах готового мяса.

То, что нужно.

Там же нахожу картофель и овощи, приготовленные на гриле. Мысленно благодарю Виталика за еду, которую уже не нужно готовить. Только разогреть.

Остальное убираю в холодильник и, найдя большую чугунную сковороду, выкладываю на неё то, на что положил глаз.

Не знаю почему, но желание увидеть её улыбку оказывается в приоритете. Хотелось хоть как-то сбить с неё тоску по родителям. Даже немного пожалел, что настоял на этом разговоре. Лучше бы про жениха рассказала. Эта тема до сих пор меня волнует. Хотя бы потому, что он должен быть одним из первых, кто забудёт тревогу и начнёт её искать. Жених ведь, как-никак...

На то, чтобы разогреть нам обед, у меня уходит не больше десяти минут. Я выложил мясо с картошкой на отдельное большое блюдо, а овощи в глубокую чашку. Поставил всё на стол и самодовольно ухмыльнулся. Шикарный стол,

чёрт возьми.

Убедившись, что ни о чём не забыл, кивнул и отправился за девчонкой.

— Пошли обедать. Хоть поешь по-человечески. — Прозношу громко, возвращаясь в комнату.

И замираю.

Чувствую, как подпрыгивает кадык в глотке. Обвожу комнату свирепым взглядом.

— Сбежала. Дрянь.

Глава 9

Вика

Мысли в голове проносились с такой скоростью, что я не успевала схватиться за ту, которая могла бы хоть как-то улучшить моё положение. Я здесь. Одна. Я не прикована ни к ванной, к чему бы то ни было. Мои ноги не связаны, а выход свободен. Я могла попробовать сбежать, но страх быть пойманной всё ещё останавливал меня. Но... выдастся ли мне ещё один такой шанс? Возможно, его больше не будет.

У меня не было

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.